

DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-2-201-218

Научная статья / Research Article

Концепция «самосознающей души» Андрея Белого: синтез ранней рецепции Канта с учением и эзотерической практикой Штайнера

А. ШМИТТ

Трирский университет
Universitätsring 15, 54296 Trier

Andrei Bely's Concept of the "Self-Conscious Soul": Synthesis of his Early Reception of Kant with Steiner's Teachings and Esoteric Practice

A. Schmitt

Trier University
Universitätsring 15, 54296 Trier

В статье рассматривается связь между медитативной антропософской практикой Андрея Белого и концепцией самосознающей души, которой посвящен главный теоретический труд символиста «История становления самосознающей души». После краткого обзора эзотерических практик, в которые он был введен Рудольфом Штайнером в 1912—1914 годы, разрабатывается топография медитативного пространства по описаниям, приведенным Белым в «Кризисах». При этом привлекаются соответствующие источники Штайнера о высших ступенях познания, от которых концепция Белого в нескольких пунктах отклоняется. Далее рассматривается, каким образом внутренний опыт Белого отражается в познавательных принципах самосознающей души, которые он понимает как отражения высших познавательных способностей на более низком душевном уровне. Утверждается, что познавательные принципы самосознающей души, именуемые Белым «композицией пространства», «темой в вариациях времени» и «символом», являются синтезом эзотерической практики Белого с его ранней рецепцией критической философии Канта. Он сплавляет их в градационную модель постепенного углубления познания в устройство мироздания и в человеческий путь культурного развития. Этот познавательный процесс, по Белому, осуществляется творческим участием познающего субъекта и завершается его обожествлением.

Ключевые слова: антропософия, Рудольф Штайнер, Андрей Белый, Кант

© Шмитт А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Статья поступила 13.01.2020

Статья принята к публикации 06.02.2020

Для цитирования: Шмитт А. Концепция «самосознающей души» Андрея Белого: синтез ранней рецепции Канта с учением и эзотерической практикой Штайнера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. No 2. С. 201—218. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-2-201-218

Abstract. This article deals with the connection between the anthroposophical practice of meditation and the concept of self-conscious soul, which is developed in the main theoretical work of Andrei Bely, “The History of the Becoming of Self-conscious Soul.” After a brief review of the esoteric practice, in which Bely was introduced by Rudolf Steiner in the years 1912—1914, it examines the topography of the meditative space, according to the descriptions given by Bely in the “Krizisy”. Relevant sources of Steiner on the higher stages of knowledge are involved, from which the concept of Bely differs in a few points. It is considered, how the inner experience of Bely is reflected in the cognitive principles of the self-conscious soul, which he understands as a reflection of the higher cognitive abilities at the lower level of the soul. It is shown, that the cognitive principles of the self-conscious soul, which Bely names “composition of space”, “theme in the variations of time” and “symbol”, are a synthesis of the esoteric practice of Bely with his early reception of the critical philosophy of Kant. He fuses them into a gradational model of multi-stage deepening of knowledge into the construction of the universe and the human cultural evolution. This process is carried out with the creative participation of the cognizing subject and culminates in his deification.

Keywords: anthroposophy, Rudolf Steiner, Andrei Bely, Kant

Article history:

The article was submitted on 13.01.2020

The article was accepted on 06.02.2020

For citation: Schmitt A. Andrei Bely's concept of the “self-conscious soul”: synthesis of his early reception of Kant with Steiner's teachings and esoteric practice. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020; 24 (2): 201—218. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-2-201-218

1. Медитативная практика Белого

Мистические учения и пути человечества с ранних лет играли важную роль в жизни Андрея Белого. Стремление примирить рациональное и мистическое начала в человеке проходит красной нитью через его творчество, цель которого — воссоединить «“чистый” кантовский ”разум” и ”чувство”, [...] науку и веру, познание и творчество [...] установить ”научный” контакт с областью трансцендентного» [1. С. 53]. Поэтому он, с одной стороны, изучал естественно-научные достижения современности, а с другой — углублялся в различные спиритуалистические учения от Упанишад до теософской литературы, увлекался Иисусовой молитвой по Серафиму Саровскому¹, а свою писательскую деятельность понимал как теургическую практику, черпающую вдохновение из глубин мироздания.

¹ См.: [2. С. 70, 72, 77, 83 и сл.]; [33].

Как и другие деятели русского символизма, Белый искал себе духовного наставника, которого после долгих мытарств нашел в австрийском оккультисте Рудольфе Штайнере. После первой лекции и личной встречи в мае 1912 года Белый уже в июле становится учеником Штайнера и получает первые инструкции по медитации. В мае 1913 года его принимают в Эзотерическую школу [2. С. 136], а затем в еще более эксклюзивный круг для самых приближенных учеников Штайнера, где, по словам Белого, ставилась цель «внимать символам легенд, как действительности звездного (астрального) космоса» [3. С. 361]. Эзотерическое учение Белого им не было описано систематически, но из разрозненных высказываний можно заключить, что так называемые „Nebenübungen“ (упражнения, сопутствующие главным), понимаемые им как вариация шести правил вооружения из послания апостола Павла к Ефесянам [Ефес. 6,14—17], составляли основной элемент его внутренней практики². В «Истории становления самосознающей души» (в дальнейшем ИССД) он о них говорит:

[С помощью шести упражнений] человек вооружается с ног до головы в пути усилий, терпения, опыта; весь состав человека вводится в переplав; одно вовлекается в проработку многого; и это одно — нисхождение ума Христова в наш ум, а нашего ума — в сердце (для брони), откуда он промышляет — руки, ноги, чресла, самые внутренние органы (ИССД 1.1, “Апостол самопознания Павел”, ОР РГБ ф. 25, к. 45, ед. хр. 1, л. 45 об.)³.

А в «Материале к биографии» Белый замечает, что благодаря непрерывной практике сопутствующих упражнений он к декабрю 1913 года «в бодрственном состоянии научился выходить из себя духовно, а не физиологически» [2. С. 144]. Кроме этого он упоминает парафразу из драм-мистерий, которую ему дал Штайнер в июле 1912 года в Мюнхене [3. С. 370], [4. С. 275—280], и в эссе «Почему я стал символистом...» он пишет о том, что в программу эзотерических упражнений, возложенных на него Штайнером, также входили «семь ступеней христианского посвящения (от омовения ног до бичевания и положения во гроб)» [5. С. 464], [6]. Эта практика мистического христианства Штайнером преподавалась не в виде визуализации и отождествления со страданиями Христа, как это было принято в Средневековье, а таким образом, что каждая ступень должна была связываться с определенным чувством, в последствии чего ожидалось возникновение внутреннего видения этого события [7. С. 155—157]. Здесь можно предположить причину устойчивого мотива подражания Христу, которым пронизаны автобиографическое творчество Белого после 1913 года и его историософская концепция [8. С. 321].

² См.: [29. С. 83 и сл.]; [8. С. 153 и сл.].

³ Первая и третья часть «Истории становления самосознающей души» цитируются по рукописи, хранящейся в рукописном отделе РГБ, средняя часть по изданию Э. Чистяковой [15. С. 62—476]. Научное комментированное издание всех трех частей монументального труда готовится М. Спивак и Х. Шгаль.

Благодаря этим упражнениям Белый, по собственному свидетельству, научился покидать свое физическое тело и подниматься на другие уровни бытия, не теряя при этом сознание [2. С. 144]. Описание этих духовных путешествий он давал в «Кризисах» и в рассказе «Йога». Они значительно отличаются друг от друга, но тем не менее прослеживаются родственные элементы. В «Йоге» Белый называет эту практику «конTEMPLацией» [9. С. 300]⁴, а в «Кризисе культуры» и «Кризисе мысли» он говорит о «работе над мыслью» и «медитации» [10. С. 63, 65], о практике «ясной мысли» или «ясного мышления» и о «состоянии сознания мысли» [11. С. 97—99].

2. Ступени медитативного восхождения или топология потустороннего пространства

В «Кризисе культуры» Белый дает описание своей медитативной практики, которая предполагает двухступенчатую топографию медитативного пространства. Отправной точкой является физическое пространство и обыденное сознание: «Я сидел в удобное кресло на малой терраске [...]; тело, покрытое ритмами мысли, не слышало косности органов» [10. С. 64]. Инертность физического тела преодолевается благодаря концентрации на внутренней жизни мыслей. Дальше сознание медитирующего покидает физическое тело через голову: «ясное что-то во мне отлетало чрез череп в огромность» [Там же], и оказывается в пространстве, которое характеризуется как сфера, населенная загадочными, переливающимися друг в друга образами, родственными медным гравюрам к книгам Я. Бёме⁵. В этом пространстве доминируют образы полета и спиралевидных движений. Автор о себе говорит, что сам преобразуется в крылатое существо: «я был многокрылием» [Там же]. Он называет это пространство «стихийным миром» и констатирует, что «орнамент спиралей» является выражением «биенья эфирного тела» [Там же. С. 63].

Следующая ступень медитативного пространства описывается в сослагательном наклонении⁶. Сознание дальше может проникнуть через «грозный и черный пролом» в «никуда и ничто» [Там же. С. 64]. Эта область именуется «загробным миром» и характеризуется как пространство, в котором медитирующий переживает себя сферическим, «многоочито глядящим» существом, отождествляющим себя с зодиаком и распадающимся на множество пчелинообразных существ [Там же. С. 65]. То есть он приобретает периферийное, многоличностное состояние сознания. Медитация заканчивается тем, что сознание возвращается через открытое темя в физическое тело.

⁴ Подробный анализ эзотерических контекстов «Йога» дает [26. С. 189—208].

⁵ Сам Белый упоминает, что изображение одного образа он нашел у Бёме [10. С. 64]. Кроме этого треугольника из молний с вписанным в него оком ([31. S. 214, 240, 198] рис. 95, 146, 63) существует множество других параллелей, например: крылатое сердце ([Ibid. S. 194, 261], рис. 55, 182), образ голубя, зодиака и множества глаз.

⁶ Белый здесь описывает пребывание в Норвегии в сентябре 1913 года, однако «выходить из себя духовно» он научился, по собственному свидетельству, только к концу этого года [2. С. 144].

Более сложное описание медитативного пространства находим в «Кризисе мысли». Здесь топография предполагает четыре ступени потусторонней сферы, открывающейся медитирующему сознанию. Исходная точка теперь — не физическое тело, а обычное рассудочное сознание. Понятия и идеи абстрактному мышлению кажутся «недвижными точками мертвеющих препитательных точек» [11. С. 98].

Но на первой ступени расширенного сознания переживаются их расширяющиеся и динамично пульсирующие смыслы, что Белый описывает метафорикой огня и растительности. Далее происходит переход на вторую ступень и встречаются типичные образы, используемые Белым при описании медитативного состояния сознания: «заплаваясь, душа протекает» в субстанцию этих мыслеобразов; «переливается все из головы в многокрылое сердце»; в руках зажигаются «пожары» и вырастают «руки из рук»⁷; череп раскрывается и образуется чаша в области головы, в которую спускается некий «голубь» [Там же]⁸.

Переход на третью ступень осуществляется оплотнением «центра мысли», который образует некий «глаз» или «огромное, синее <око>», которое есть не что иное, как «разбитое темя черепа»; этот центр «ширясь, темнеет» и «втягивает» медитирующего «как в окно»; за ним открывается новое пространство «безобразности мысли» [Там же]. Белый называет эту область в «Кризисе мысли» «страной <все — везде — ничего>» [Там же. С. 99]. Это — сфера «чистой мысли», где бывшие «образы мысли» оказываются пустыми [Там же. С. 98]. Медитирующее сознание здесь передвигается «на мелодийных размахах», летает «по ритмам», образуя «живую гирлянду из <все — везде — ничего> оглашающих мигнов» [Там же. С. 99]. Это область, где отсутствуют образные формирования, т.е. подобия визуального восприятия, но существует некая аудитивная рецепция, некое переживание потока времени. Периметричность состояния сознания на этой ступени отмечается тем, что медитирующий чувствует себя «в хрупком круге земли» [Там же].

Четвертая ступень потустороннего пространства связана со встречей с персонифицированным сознательным центром всего космоса, который в «Кризисе мысли» называется «Разумом» и «кем-то Вечным», обращающимся к медитирующему и высказывающимся «без слов»: «Вспомни же: — это <Я>!» [Там же].

В «Йоге» этот аспект «контемплации» описывается как встреча с самим собой: Коробкин «взирал на свой собственный вспыхнувший центр пустоты, как на *ты*, стоящее посередине души его; это *ты* принимало впечатление

⁷ Начало упражнения «контемплации» у «йога» Ивана Коробкина описывается сходным образом [9. С. 300].

⁸ И «эфирные» руки, образующие «чашу расширенного сознания», и голубь, который символизирует «соединение с макрокосмом» и будущую ступень антропософской эволюции человека «манас», встречаются также на рисунке из «Медитативной записи» 1918 года (ОР РГБ, ф. 25, карт. 46, ед. хр. 28, л. 4).

Неизвестного, казавшегося исконно Известным, Кого мы забыли» [9. С. 301]. Далее выясняется, что это Христос, который возвещает о своем возвращении.

В отличие от «Кризиса культуры», Белый в «Кризисе мысли» говорит не о путешествии в «загробный мир», а о посещении «страны, где я жил до рождения» [11. С. 99]. В этом замечании лежит ключ к пониманию различающихся друг от друга изображений медитативного восхождения. Первое соответствует описанию «высших миров» в «Теософии» Штайнера, где тот различает, согласно триединой сущности человека, физический мир, «душевный мир» (Seelenwelt) и «страну духа» (Geisterland). Книга написана, по словам Штайнера, с точки зрения переживаний, через которые человеческая душа проходит после смерти; а в другой книге — «Порог духовного мира» (Die Schwelle der geistigen Welt) — он описывал путь, по которому сознание медитирующего человека поднимается в иные миры [12. С. 17, 92]. Двухступенчатый характер душевного и духовного миров в «Теософии» соответствует описанию потустороннего пространства в «Кризисе культуры», а четыре ступени из «Кризиса мысли» можно обнаружить в «Пороге духовного мира» — книге, которая является резюме цикла лекций «Тайны порога» (Die Geheimnisse der Schwelle), на котором Белый лично присутствовал⁹. Здесь различаются «физический», «стихийный» (elementarische), «духовный» (geistige) и «сверхдуховный мир» (übergeistige Welt) [12. С. 17, 80—91]. У Белого, в отличие от Штайнера, между обычным бодрствующим сознанием и образным восприятием высшего мира встроена еще одна ступень, соответствующая способности самосознающей души, приводить абстрактные, выкристаллизованные понятия рассудочного сознания в органически пластичные смыслообразования. Это дополнение присутствует также в систематике познавательных градаций в книге «Рудольф Штайнер и Гете в мировоззрении современности»:

...мир разума [...] есть... ангельский и архангельский мир; уразумение содержания [...] градационно [...]; и состоит из смены состояний сознания [...] д-[окто]ром Штейнером характеризуемы так: как состояние приятия содержания в распавшемся круге понятий (методическая градация души рассуждающей), в полном круге (состояние самосознающей души); как состояние восприятия существа содержания в отображении образном (имагинация), в лицезрении (инспирация) и в слиянии с существом (интуиция) [3. С. 85].

Топография потустороннего пространства и высшие ступени познания, именуемые имагинацией, инспирацией и интуицией, как у Штайнера, так и у Белого непосредственно связаны друг с другом и отражаются в их описаниях медитативного восхождения. На первой ступени полагается растворять статичное предметное сознание, приводя его в движение. Тогда на месте чувственных представлений появляются живые внутренние образы или «имагинации», через которые вещи выражаются более внутренним образом [13. S. 12, 19]. Штайнер характеризует эту ступень как «духовное видение»

⁹ Цикл состоялся с 24 по 31 августа 1913 года в Мюнхене [35. GA 147].

(geistiges Schauen) [Ibid. S. 69] (здесь и далее курсив в оригинале; перевод мой. — А.Ш.) и подчеркивает свойства подвижности, беспокойства и тенденцию к постоянным метаморфозам [14. S. 351], доминирующие и в описании этой ступени высшего сознания у Белого.

Вторая ступень отличается аудитивными переживаниями, определяемые Штайнером как «духовное звучание» (geistiges Tönen) [13. S. 21] и «духовное слышание» (geistiges Hören) [Ibid. S. 67], благодаря которым образы, почерпанные имагинацией, начинают открывать свои значения [13. S. 73—75]. Штайнер называет это также «чтением скрытого шрифта» (Lesen der verborgenen Schrift) [14. S. 353]¹⁰. В описании медитации у Белого эта ступень определяется «безобразностью» и пустотой, т.е. отсутствием каких-либо визуальных элементов.

На третьей ступени по Штайнеру возникает переживание слияния с сущностью вещей [13. S. 79]. Человек больше не чувствует себя вне предметов стоящим наблюдателем, а как будто находится внутри них [13. S. 81]. Через интуицию он становится единым с вещами и «познает существа изнутри их самих» (er lernt, die „Wesenheiten in ihrem Innern selbst erkennen“) [14. S. 357]. Белый, когда описывает эту ступень, намекает на некую встречу с сознательным центром и источником вселенной, который является одновременно и сущностью самого медитирующего. В «Пороге духовного мира» Штайнер излагает схожую концепцию: через волевое искоренение всякого, не только визуального, но и слухового содержания сознания, в медитирующем выплывает «истинная сущность „Я“» (die wahre Wesenheit des „Ich“) [12. S. 86], и он «переживает себя единым с сущностью, которая лежит в основе мира таким образом, что опережает все, что человек может наблюдать как чувственное, как эфирное, как астральное существо» [Ibid. S. 81].

В ИССД Белый определяет высшие формы познания, или «три сферы расширенности сознания» следующим образом: имагинация есть «форма сознания образного», с помощью которой открывается «мир идео-образный», инспирации доступен мир «безобразный» и интуиции — «сфера сознания-собственно», которая лежит в области, до которой человеческая сущность добивается обычно только после смерти [15. С. 470 и сл.]¹¹. В этих сферах или ступенях отражается мистический путь средневекового христианства (via purgativa, via illuminativa и via unitiva), а также спиритуальная практика Упанишад, где различаются четыре состояния сознания (бодрствующее, состояние сновидения, глубокого сна и так называемое состояние Турийя), последнее и высшее из которых тоже определяется как слияние с космическим Я, с Атманом (Мандукья-упанишада)¹².

¹⁰ Мотив оккультного шрифта и у Белого встречается, например в «Записках чудака» [23. С. 305 и сл.].

¹¹ Цитата «сфера сознания-собственно» соответствует рукописи. См. ИССД 2, «Антропософия». ОР РГБ ф. 25, к. 45, ед. хр. 2, л. 246 об. (с. 487).

¹² В эссе «О смысле познания» Белый предлагает именно такое понимание антропософского пути, который он описывает как просветление ступеней эволюции человеческим усилием, т.е.

Однако у Белого есть элементы в описании медитативного пространства, которые отличаются от концепции его учителя. Так, Штайнер характеризует «душевный мир» (Seelenwelt) как область, лишенную пространственных свойств протяженности и движения [12. S. 76], в то время как у Белого имагинация отличается именно пространственным характером. По Штайнеру, душевный мир определяется тем, что время течет в обратном порядке — идея, не чуждая Белому, однако не встречающаяся в описаниях медитаций¹³. Следующая ступень сознания является для Белого исключительно ритмично переживаемой областью, т.е. через звук и движение. А Штайнер говорит в этой связи о духовных восприятиях, схожих со зрительными, слуховыми и даже со вкусовыми [16. S. 94—97]. «Духовный мир» у Штайнера находится за пределами пространства и времени в области «продолжительности» (Dauer) или «вечности» (Ewigkeit)¹⁴, а Белый наоборот понимает его как сферу чистого движения или временности. Последняя ступень — вступление в «сверхдуховный мир» (übergeistige Welt) для обоих находит свою кульминацию в идентификации медитирующего с сознательным центром вселенной. Однако у Штайнера говорится о преодолении бездной и большого волевого усилия для освобождения от всякого содержания сознания [12. S. 86], в то время как у Белого этот последний шаг осуществляется достаточно спокойно и как бы само собой.

3. Высшие ступени познания и познавательные принципы самосознающей души

Как видно из вышеизложенного, Штайнер различает семь ступеней сознания, которые соответствуют четырем царствам природы — минеральному, растительному, животному и человеческому сознанию — и трем высшим ступеням познания — имагинации, инспирации, интуиции. Белый уже в дорнахское время к этой систематике добавил на уровне человеческого сознания различие между сознанием рассуждающей и самосознающей души, а в ИССД еще дополнительно встраивает дважды три ступени в развитии самой самосознающей души.

От своего учителя он в измененном виде перенимает идею имагинативной, инспиративной и интуитивной душ, которые, по устным изложениям Штайнера, являются переработанными частями души, возникающими при переходе на ступень самодуха или манаса [17. S. 177—178]. По Белому, человек благодаря работе самосознающей души создает эти предварающие высшие ступени развития душевные образования во второй половине стадии развития самосознающей души, т.е. в предстоящих пятой, шестой и седьмой фазах¹⁵.

исходя из обычного бодрственного сознания прорабатываются состояния сознания животных (сновидческое), растений (глубокого сна) и минералов (смерти) [22. С. 48 и сл.].

¹³ К тематике обратного времени у Белого см. [25. С. 201, 287 и сл.; 24].

¹⁴ См.: [14. GA 13. S. 170; 40. GA 138. S. 93—95], а также [13. GA 12. S. 74].

¹⁵ См. ИССД 3: «Душа и история». ОР РГБ ф. 25, к. 45, ед. хр. 1, л. 278 об. (с. 44): «будущее являет историю этой второй половины в трех фазах: 1) зародыш духовный поднялся до сферы

А в первой ее половине возникают принципы, определяющие особые познавательные возможности самосознающей души, которые также являются предваряющими ступенями высших способностей на еще более элементарном уровне. Белый их именует «композицией пространства», «темой в вариациях времени» и «символом».

В ИССД он описывает их проявление на разных этапах развития самосознающей души. Так «композиция пространства», по его убеждению, проявляется в открытии перспективы в живописи ренессанса, которое он, в отличие от Флоренского, оценивает весьма положительно. Способность сопоставлять разные лица в пространственной композиции на полотне, на стенах и потолках храмов, и конструкция купола архитекторами соборов эпохи Возрождения, а также расширение кругозора благодаря мореплаванию, отвоевывающему земли, и радикально меняющему взгляд на устройство вселенной, переходящее постепенно от статично-геоцентричного представления к динамической гелиоцентрической модели — всё это является, по Белому, выражением того, что человечество перешло в эпоху самосознающей души и развивает ее первый познавательный принцип — «композицию пространства»¹⁶.

Переходным явлением Белый считает разработку в современной математике аналитической геометрии и дифференциального исчисления в XVII в. [15. С. 403], из которых, по его убеждению, берет свое начало классическая музыка в XVIII и XIX вв. В ней он видит полную реализацию второго познавательного принципа самосознающей души, «темы в вариациях времени»:

«индивидуальное», как композиция в куске пространства, сменяется *«индивидуальным»* в линии времени, где элементы пространственности символизируются многими музыкальными голосами, махрово раскрашивающими одну и ту же временную точку (вариацию личности), сливаемую в ряды точек, в линию многих вариаций, во времени выявляющих тему. / Взрыв [—] этого удивительного искусства [...] с 2-й половины 18-го столетия [...]; музыка [...] — стала нервом культуры [15. С. 126].

«Тема в вариациях времени», по Белому, также проявляется в важных открытиях в области естественных наук, например принципов математической теории механики, астрономии и физики Ньютоном, в теориях эволюционного трансформизма, в периодической системе элементов Менделеева, в современной атомной физике и астрономии, а также в языкознании,

души ощущающей, 2) до разсуждающей и 3) до самосознающей. [...] Процессами переработки самосознающей душой трех пластов своих в дух, пласты эти сперва озаряются проблеском духа; "само" начинает работать в астрале; оно изменяется, перерождаясь в импинативную душу [...]; переработка астрала печатается уже в теле эфирном; и открывается новая фаза душевности; инспиративной душой мы можем назвать эту фазу; [...] она еще — не инспирация: пред-инспирация, так сказать; и наконец дав работу душе ощущений, "само", привлекая созвучье меж этой душой и физическим телом, становится интуитивной душой».

К построению культурной эпохи самосознающей души в семи фазах см. [15. С. 369—371; 8. С. 222, 239—290].

¹⁶ См. ИССД 2, гл. «Схема композиции» и ИССД 3, гл. «Душа самосознающая, как композиция».

в экономических теориях современности и в его собственной теории ритма в стиховедении¹⁷. Везде проявляется, по его убеждению, новая способность, которая пробудилась в человечестве: промышлять идею в ее раскрытии во времени под разными углами зрения.

Третий принцип познания самосознающей души, согласно Белому, раскрывается в русском символизме и в антропософии и обозначает переход к совершенно новым возможностям познания. «Символ» определяется в этом контексте как пограничное понятие между чувственным миром и миром духовным. Несмотря на то, что композиция и тема в вариациях являются умо-зрительными принципами, организующими познание, они тем не менее еще упираются на чувственный материал, но символ, по Белому, указывает на «сферу духа» [15. С. 439], на «сферу последней действительности» или «божественности» [Там же. С. 393]. В третьем принципе переживается непосредственно духовное как реальность, имманентная душе [Там же. С. 438]. Если такую возможность углубления сознания Белый находит в первом приближении у Соловьева, Блока и, конечно, в своем собственном символическом творчестве, то в антропософии он видит первое полное раскрытие новых способностей самосознающей души, которая в начале XX в. создала новое направление науки, проникающее в трансцендентные слои бытия, делая их доступными познанию [Там же. С. 472 и сл.]. Штайнером, по убеждению Белого, были основаны

критические контуры *духовного знания*, в котором антропософия есть лишь современная начальная стадия, [...] охватывающего [...] предстоящие нам 5[-ую], 6[-ую], и 7-ую стадии позитивного раскрытия задач самосознающей души [15. С. 449]. (Курсив в оригинале).

«Композиция пространства» и «тема в вариациях времени» являются для Белого принципами, организующими понятийный материал. Шталь называет их «фигурами» и «формами» индивидуального стиля познающего субъекта [30. С. 29]¹⁸. Они являются модификациями ранней рецепции теории познания Канта и разработанной на ее основе эстетики раннего Белого. Как известно, теоретик символизма неоднократно углублялся в «Критику чистого разума» Канта, но никогда не читал «Критику способности суждения», а свою теорию искусств построил на основе своеобразной комбинации трансцендентальной эстетики первой «Критики» и этики Канта [18. С. 20—34].

Продолжая тенденции понимания философии Канта в русской среде того времени, Белый уже в ранних публикациях придавал чистым формам созерцания мистическое значение¹⁹. Так, например, в «Формах искусства»

¹⁷ См. ИССД 3, гл. «“Принцип” как тема в вариациях» до «От трансформизма к символизму».

¹⁸ Шталь показывает значение этих двух принципов для метода т. н. «плюро-дуо-монизма» в ИССД, но не указывает на роль символа, на связь с высшими ступенями познания антропософии и с трансцендентальной эстетики Канта.

¹⁹ См. работу А. Круглова [32], который указывает на неоднократно встречающееся требование русских философов Серебряного века дополнить Кантову мысль Платоном, восходящее

(1902) он уже понимал пространство и время не только в кантовом смысле как априорные формы чувственного созерцания и устройство познающего субъекта (*KrV*, A 19—42/B 33—59), но и как формальные аспекты художественного творчества, т.е. человеческой деятельности символизирования. Художник, по убеждению раннего Белого, воплощает «внутреннюю правду» вещей в своем произведении через ее просвечивания «свозь призму души» и тем самым придает ей печать своей индивидуальности [5. С. 97].

В «Магии слов» (1909) Белый перенимает кантовское определение времени и пространства как формальных устройств внутреннего и внешнего чувства, однако ощущения, данные через субъективные формы созерцания, называет двумя непонятностями, враждебную власть которых нужно преодолевать словотворчеством, которое благодаря «объективации» и «наименованию» снимает исходящую от них угрозу²⁰. Если для Канта чувственным формам созерцания свойственна «эмпирическая реальность» и «объективная значимость» (*objektive Gültigkeit* — *KrV*, A 28/B 44, A 35/B 52), то для Белого действительность и объективность создаются через словотворческий акт наименования, являющийся магическим действием: «процесс наименования [...] есть процесс заклинания» [19. С. 317]. Художники и теурги, по ранней теории Белого, создают пространственно-временные образования, облекая ноуменальную действительность в формы художественного и религиозно-культового творчества, которые являются символами высшей реальности²¹.

Интересно, что позиция, афористически изложенная Белым в «Магии слов», родственна ранним трудам Штайнера по теории познания, с которыми Белый познакомился только после 1912 года. Функция, которую у молодого Штайнера выполняет процесс познания — создание «действительности», «нового, третьего мира» [36. GA 4. S. 92], — у молодого Белого принадлежит поэтическому слову, «живой речи» [19. С. 316—319]. И то, что у Штайнера именуется «мышлением» (*Denken*) или «духом» (*Geist*)²², у Белого является «словом» в смысле Логоса Иоанна, которое в поэте-теурге находит Самого себя. Однако Белый до погружения в антропософское мировоззрение решительно придавал примат творчеству перед познанием²³ и только через влияние гносеологии Штайнера перешел от словотворчества «Магии слов» к познавательному творчеству, легшему в основу теории познания ИССД²⁴.

в ближайшей перспективе к Соловьеву, а также статью И. Светликовой [39], которая указывает на влияние труда по истории философии немецкого востоковеда Дойссена на Белого, интересовавшего философию Канта как возрождение мистических взглядов упанишад.

²⁰ [19. С. 316 и сл.]. О топосе ужаса в русской рецепции Канта см. [32].

²¹ Белоус в «философии времени» Белого видит важную «философскую инновацию», потому что время переносится в деятельность самого субъекта, где она становится конструкцией самосознающего я [21. С. 41 и сл.]. Это положение также можно отнести к понятию пространства у Белого.

²² См.: «Die Philosophie der Freiheit» [36. GA 4].

²³ См.: «Эмблематику смысла» [19. С. 57—119].

²⁴ См. об этой тематике гл. „IV.1.3. Rezeption von Steiners Erkenntnistheorie“ [8. S. 138—144].

Белый здесь создает терминологию «композиции пространства» и «темы в вариациях времени». Они организуют познавательный материал — в пространственном отношении в трехмерных умственных образованиях, которые приобретают благодаря четвертому измерению времени внутреннюю динамику, становятся подвижными и переменными²⁵. Соотнесение композиции и вариации с пространством и временем явно указывает на их связь с трансцендентальной эстетикой Канта²⁶. А визуальное качество пространственной композиции предполагает ее родство с имагинацией у Штайнера, в то время как музыкально-ритмическая природа вариации соотносит ее с аудитивными свойствами и инспирацией. Сам Белый намекает на эту связь, сравнивая рассмотрение своего предмета исследования, т.е. самосознающей души, с изучением ее «фаса» и «профиля»:

Тенденция вариационно рассматривать стиль композиции есть переход от uznания «фаса» самосознающей души к изучению «профиля»; «темы в вариациях»; здесь — ряд знаний ритмических, ряд упражнений, сказал бы я, уже не зрительных (ведь композиция, взятая схемою, — зримая), а слуховых; скажем более внутренне; *имагинацией* можем назвать композицию мы; в *инспирации* — тема в вариациях внутренне вскрыта (ИССД 3, «Вариационность: какая же антропософия это?». ОР РГБ ф. 25, к. 45, ед. хр. 1, л. 303 (с. 94). Курсив в оригинале).

Композиция здесь определяется как феномен визуальный («композиция, взятая схемою, — зримая»), а вариация — как феномен аудитивный («ряд упражнений [...] слуховых»). По отношению к имагинации и инспирации они определяются как познавательные инструменты более внешнего характера, а вариация по сравнению с композицией называется «более внутренним» явлением. Здесь сказывается идея Белого, первоначально разработанная уже в книге «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности», о том, что познание человека является градационным процессом, приближающим его на ступенчатом пути все ближе к той многогранной действительности, которая скрывается за чувственной оболочкой вещей. Самосознающая душа реализует этот процесс в душевном плане только на начальной стадии; а будущие ступени высшего познания в ней только отражаются. Этим смягчается резкий дуализм Канта между чувственно данным феноменом, с одной стороны, и в его основе лежащем, но непознаваемом ноуменом, с другой

²⁵ Как показала Алла Хольцман, термин «вариация», как и ряд других, описывающих гносеологическую концепцию ИССД, Белый заимствовал у Гуссерля [28. С. 162 и сл.]. Идея времени как четвертого измерения пользовалась большой популярностью в русской художественной культуре Серебряного века [34. С. 227 и сл.].

²⁶ Сам Белый утверждал эту связь относительно темы в вариациях. См. [15. С. 411] и ИССД 3, «Тема в вариациях: музыка». ОР РГБ ф. 25, к. 45, ед. хр. 1, л. 313-313 об. (с. 113—114): «В схематизме понятий у Канта является время, которое есть форма внутренних чувств; чувство внутреннее не раскрыто у Канта; во вскрытии нашем оно и есть ритм [...]; схема Канта [...] является: как композиция (в мире разсудка [sic]), как ритм (в мире чувств); форма внутренних чувств, или время, есть ритм»).

стороны. Белый трансформирует статичные формы созерцания Канта в динамические способы жестикюляции и символизации идеальной действительности. Познающий субъект в этом созидательном процессе непосредственно участвует, образуя свою индивидуальную форму в понятийном пространстве и создавая этим самого себя как духовную инстанцию.

Этот последний пункт для Белого связан с пониманием символа как кульминации познавательных возможностей самосознающей души:

в переходениях смысла («со-мыслия», как композиции) ритмом вскрывается то, что дано нам за *ритмом* и *смыслом*, их вяжущим символом; «дух» души вскрыт; признак этого вскрытия — разоблачение всего, что ни есть, как вариаций, отдельностей, не адекватных духовному целому, в них заключенному; все модуляции — символы; образы, как и познания, «дúши», «тела» — только символы Духа; вскрывается здесь сфера Символа; в разоблачении покровов становится Символ не Символом, а воплощением. / Дух воплощенный есть «Я»: индивидуум [Там же].

Ноуменальная сторона действительности, которую Белый именуется «Духом» и «Символом» с прописной буквы²⁷, воплощается, по его убеждению, в динамической мыслительной фигуре, создающейся познающей индивидуальностью. Таким образом, «Логос», лежащий в основе всего, благодаря сотворческой деятельности человека, который образует своей композиционной и вариационной познавательной деятельностью «символы» (со строчной буквы), приобретает плоть, «воплощается». И сам человек в этом процессе становится жителем ноуменального мира, создает самого себя как духовную сущность:

сотворение мною вторичной рассудочно-фигурной копии, действительность, как моя творческая конструкция мысли — открывает мне извечную действительность, как возможное целое всех действительностей всякого миротворения; в действиях малого миротворения я постигаю план миротворения вообще [...], положенный Духовною Сущностью в основу данного отрезка деятельности, или в основу нашей вселенной; в постижении этого плана из свободы (при помощи моей конструкции) я впервые, так сказать, сдаю экзамен на право сотрудничать мне с Божеством; мое *собожество* и есть расширение душевного круга сознания в круг духовный; в творчестве действительности, я — впервые дух; и стало быть: «я» впервые — «Я» [15. С. 381]²⁸.

То, что в описаниях медитаций обозначалось самоидентификацией с центром мировой сознательности, здесь описывается как обожествление познающего субъекта. Хенрике Шталь метко назвала этот способ познания «формой духовного причастия» и «путем к деификации или теозису»²⁹. Познание

²⁷ Прописная буква у Белого указывает на то, что термин является именем, указующим на некую сущностную инстанцию.

²⁸ Печатное издание здесь отличается от рукописи. Поэтому цитируется по рукописи: ИССД 2, «Схема композиции». ОР РГБ ф. 25, к. 45, ед. хр. 2, л. 195 (с. 384).

²⁹ См. [20. S. 86]: «die Wahrheitserkenntnis des “logischen Voluntarismus” bildet eine Form geistiger Kommunion [...], einen Weg zur Vergöttlichung oder Theosis».

становится теургическим созидательным актом, в котором жизнетворчество, к которому стремился ранний Белый, находит свое совершение — художник слова из «Магии слов» стал художником мысли, который творческим актом создания истории становления самосознающей души по ее же познавательным принципам композиции, вариации и символа создает самого себя как духовную сущность, являющуюся частью пространства высшего порядка, в действительности которой он участвует, познавая.

Заключение

Как было показано, многогранная теория самосознающей души, ее познавательных принципов и форм проявлений в истории культуры первых пятидесяти лет Нового времени основана на медитативном опыте и на антропософской практике сознания, которой Белый занимался с 1912 года и которую он переплетал с теми философскими убеждениями, к которым он пришел в течение первых десяти лет своей творческой деятельности под влиянием различных мыслителей, среди которых немаловажную роль играл Кант. Устойчивым элементом его мысли остается убеждение, что деятельность человека, создающая объективность и действительность вещей, является актом символизации, которая пользуется пространственными и временными структурами для организации своего познавательного материала. Триада творческого процесса, осуществляющегося в рамках теории искусства раннего Белого в структурах пространства, времени и вечности, в ИССД становится триадой композиции, вариации и символа, представляющих формальные структуры познания самосознающей души и одновременно указующих на ступени высшего познания в антропософском смысле. Причина особенного понимания Белым этих ступеней и их связи с познавательными принципами самосознающей души, как было продемонстрировано, можно увидеть в его рецепции трансцендентальной эстетики Канта и в попытке ее мистического углубления, которое было осуществлено им при помощи медитативной практики антропософии.

Список литературы

- [1] Пискуновы С. и В. Белый Андрей // Русская философия. Малый энциклопедический словарь / А.И. Алешин (отв. ред.). М.: Наука, 1995. С. 52—55.
- [2] Белый А. Материал к биографии // Белый А. Автобиографические своды / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. Литературное наследие т. 105. М.: Наука, 2016. С. 29—328.
- [3] Белый А. Собрание сочинений. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Сост. И.Н. Лагутина. М.: Республика, 2000. Т. 7.
- [4] Шмитт А.Б. Медитативный опыт Андрея Белого как ключ к его историософской концепции «Самосознающей души» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 267—292.
- [5] Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994.

- [6] *Казачков С.* «Медитацией укрепленные мысли...»: на подступах к пониманию внутреннего развития Андрея Белого // Автобиографизм и биографические практики / Под ред. К. Кривеллер, М.Л. Спивак. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 27—79.
- [7] *Steiner R.* Die Theosophie des Rosenkreuzers. GA 99. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1985.
- [8] *Schmitt A.* Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs „Istorija stanovenija samosoznajuščej duši“. Trierer Studien zur Slavistik, Bd. 4. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2018.
- [9] *Белый А.* Собрание сочинений. Серебряный голубь. Рассказы. М.: Республика, 1995. Т. 3.
- [10] *Белый А.* На перевале III. Кризис культуры. СПб.: Алконост, 1920.
- [11] *Белый А.* Кризис мысли // На перевале. Берлин, М., СПб.: Гжебин, 1923. С. 69—144.
- [12] *Steiner R.* Die Schwelle der geistigen Welt. GA 17. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1987.
- [13] *Steiner R.* Die Stufen der höheren Erkenntnis. GA 12. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1993.
- [14] *Steiner R.* Die Geheimwissenschaft im Umriss. GA 13. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1989.
- [15] *Белый А.* Самосознающая душа / Под ред. Э.И. Чистяковой. М.: Канон+, 2004.
- [16] *Steiner R.* Theosophie. GA 9. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1987.
- [17] *Steiner R.* Welche Bedeutung hat die okkulte Entwicklung des Menschen für seine Hüllen (physischer Leib, Ätherleib, Astralleib) und sein Selbst? GA 145. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1986.
- [18] *Zink A.* Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. Slavistische Beiträge, Bd. 368. München: Peter Lang, 1998.
- [19] *Белый А.* Собрание сочинений. Символизм. Книга статей. М.: Культурная революция, Республика, 2010. Т. 5.
- [20] *Stahl H.* „Pravda — process opravdanija istiny v stile so-istin“: Der Wahrheitsbegriff in Andrej Belyjs „Bewusstseinsseelengeschichte“. In: Pravda. Diskurse der Gerechtigkeit in der russischen Ideengeschichte. Hrsg. v. H. Kuße u. N. Plotnikov. München, Berlin: Peter Lang, 2011. S. 75—103.
- [21] *Белоус В.Г.* Философия времени Андрея Белого и «История становления самосознающей души» // Андрей Белый — философ. История становления самосознающей души и ее контексты. Special Issue Russian Literature. 2011. Т. 70. № 1—2. С. 39—48.
- [22] *Белый А.* О смысле познания // Поэзия слова (Russian Study Series 51). Chicago: Russian Language Specialities, 1965. [Перепечатка издания СПб.: Эпоха 1922.] С. 35—51.
- [23] *Белый А.* Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1997. Т. 6.
- [24] *Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13—61.
- [25] *Силард Л.А.* Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.
- [26] *Спивак М.Л.* Андрей Белый. Мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006.
- [27] *Спивак М.Л., Одесский М.П.* Стихование Андрея Белого между антропософией и советской идеологией // Vademesum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 354—371.

- [28] Хольцман А. Термин «математическая логика» в трактате А. Белого История становления самосознающей души: Анализ ссылок на учение Э. Гуссерля // Андрей Белый — философ. История становления самосознающей души и ее контексты. Special Issue Russian Literature. 2011. Т. 70. № 1—2. С. 159—174.
- [29] Шталь Х. Медитативный опыт Андрея Белого и «История становления самосознающей души» // Автобиографизм и биографические практик / Под ред. К. Кривеллер, М.Л. Спивак. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 80—101.
- [30] Шталь Х. Генезис понятия самосознающей души и «История становления самосознающей души» Андрея Белого // Андрей Белый — философ. История становления самосознающей души и ее контексты. Special Issue Russian Literature. 2011. Т. 70. № 1—2. С. 21—37.
- [31] *Geissmar Chr.* Das Auge Gottes. Bilder zu Jakob Böhme. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993.
- [32] *Krougllov A.* Kants Raum-Zeit-Lehre und die Freiheit in der russischen Lyrik. In: Natur und Freiheit. Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses. V. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner, (Hgg.). Berlin/Boston: De Gruyter, 2018. S. 327—352.
- [33] *Malmstad J.* Andrey Bely and Serafim of Sarov (Part I and II). In: Scottish slavonic review. № 14/15. 1990. P. 21—59/59—102.
- [34] *Niederbudde A.* Mathematische Konzeptionen in der russischen Moderne. Florenskij — Chlebnikov — Charms. München: Otto Sagner Verlag, 2006.
- [35] *Steiner, R.* Die Geheimnisse der Schwelle. GA 147. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1997.
- [36] *Steiner R.* Die Philosophie der Freiheit. GA 4. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1995.
- [37] *Steiner R.* Geschichtliche Symptomatologie. GA 185. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1982.
- [38] *Steiner R.* Zufall, Notwendigkeit und Vorsehung. GA 163. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1986.
- [39] *Светликова И.Ю.* Кант-семит и Кант-ариец у Белого // Новое литературное обозрение. 2008. Т. 93. № 5. С. 62—98.
- [40] *Steiner R.* Von der Initiation. Von Ewigkeit und Augenblick. Von Geisteslicht und Lebensdunkel. GA 138. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1986.

References

- [1] Piskunovy S&V. Belyj Andrej. *Russkaja filosofija. Malyj jenciklopedicheskiy slovar'*. AI Aleshin (ed.). Moscow; 1995. P. 52—55.
- [2] Bely A. *Material k biografii. Belyj A. Avtobiograficheskie svody.* AV Lavrov, Dzh Malmstad (eds.). Literaturnoe nasledstvo. Vol. 105. Moscow; 2016. P. 29—328.
- [3] Bely A. *Sobranie sochinenij. Rudolf Shtejner i Gete v mirovozzrenii sovremennosti. Vospominaniya o Shtejnere.* IN Lagutina (ed.). Vol. 7. Moscow: Respublika; 2000.
- [4] Schmitt AB. Meditativnyj opyt Andreja Belogo kak kljuch k ego istoriosofskoj koncepcii “Samosoznajushhej dushi”. *Literaturnyj fakt.* 2018; (10): 267—292.
- [5] Bely A. *Simvolizm kak miroponimanie.* Moscow; Respublika; 1994.
- [6] Kazachkov S. “Meditaciej ukreplennye mysli...”: na podstupah k ponimaniju vnutrennego razvitija Andreja Belogo. In: *Avtobiografizm i biograficheskie praktiki.* K Kriveller, ML Spivak (eds). St. Petersburg: Nestor-Istorija; 2015. S. 27—79.
- [7] Steiner R. *Die Theosophie des Rosenkreuzers.* GA 99. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1985.
- [8] Schmitt A. Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs „Istorija stanovlenija samosoznajuščej duši“. *Trierer Studien zur Slavistik.* Bd. 4. Frankfurt a. M.: Peter Lang; 2018.

- [9] Bely A. *Sobranie sochinenij. Serebrjanyj golub'. Rasskazy*. Vol. 3. Moscow: Respublika; 1995.
- [10] Bely A. *Na perevale III. Krizis kul'tury*. St. Petersburg: Alkonost; 1920.
- [11] Bely A. *Krizis mysli. Na perevale*. Berlin, Moscow, St Petersburg, Gzhebin; 1923. P. 69—144.
- [12] Steiner R. *Die Schwelle der geistigen Welt*. GA 17. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1987.
- [13] Steiner R. *Die Stufen der höheren Erkenntnis*. GA 12. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1993.
- [14] Steiner R. *Die Geheimwissenschaft im Umriss*. GA 13. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1989.
- [15] Bely A. *Samosoznajushhaja dusha*. JeI Chistjakova (ed.). Moscow: Kanon+; 2004.
- [16] Steiner R. *Theosophie*. GA 9. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1987.
- [17] Steiner R. *Welche Bedeutung hat die okkulte Entwicklung des Menschen für seine Hüllen (physischer Leib, Ätherleib, Astralleib) und sein Selbst?* GA 145. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1986.
- [18] Zink A. Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. *Slavistische Beiträge*. Bd. 368. München: Peter Lang; 1998.
- [19] Bely A. *Sobranie sochinenij. Simvolizm. Kniga statej*. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, Respublika; 2010.
- [20] Stahl H. „Pravda — process opravdanija istiny v stile so-istin“: Der Wahrheitsbegriff in Andrej Belyjs „Bewusstseinsseelengeschichte“. In: *Pravda. Diskurse der Gerechtigkeit in der russischen Ideengeschichte*. Hrsg. v. H Kuße u. N Plotnikov. München, Berlin: Peter Lang, 2011. S. 75—103.
- [21] Belous VG. *Filosofija vremeni Andreja Belogo i “Istorija stanovlenija samosoznajushhej dushi”*. Andrej Belyj — filosof. *Istorija stanovlenija samosoznajushhej dushi i ee konteksty. Special Issue Russian Literature*. 2011; 70 (1—2): 39—48.
- [22] Bely A. *O smysle poznanija. Pojezija slova* (Russian Study Series 51). Chicago: Russian Language Specialities, 1965. [Reprint: St. Petersburg: Jepoha; 1922]. P. 35—51.
- [23] Bely A. *Sobranie sochinenij. Kotik Letaev. Kreshhenyj kitaec. Zapiski chudaka*. VM Piskunov (ed). Vol. 6. Moscow; Respublika, 1997.
- [24] Petrov VV. *Teleologija, chetvertoe izmerenie i obratnyj hod vremeni v rabotah A. Belogo, Vjacheslava Ivanova i M. Voloshina*. In: *Vjacheslav Ivanov: issledovanija i materialy*. Issue 3. SV Fedotova, AB Shishkin (eds.). Moscow; IMLI; 2018. P. 13—61.
- [25] Silard LA. *Germetizm i germenevtika*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2002.
- [26] Spivak ML. *Andrej Belyj. Mistik i sovetskij pisatel'*. Moscow; RGGU, 2006.
- [27] Spivak ML., Odesskij M.P. *Stihovedenie Andreja Belogo mezhdru antroposofiej i sovetskoj ideologiej. Vademecum: K 65-letiju Lazarja Flejshmana*. Moscow: Vodolej; 2010. P. 354—371.
- [28] Holzmann A. *Termin «matematicheskaja logika» v traktate A. Belogo Istorija stanovlenija samosoznajushhej dushi: Analiz ssylok na uchenie Je. Gusserlja. Andrej Belyj — filosof. Istorija stanovlenija samosoznajushhej dushi i ee konteksty. Special Issue Russian Literature*. 2011; 70 (1—2): 159—174.
- [29] Stahl H. *Meditativnyj opyt Andreja Belogo i «Istorija stanovlenija samosoznajushhej dushi»*. In: *Avtobiografizm i biograficheskie praktik*. K Kriveller, ML Spivak (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2015. P. 80—101.
- [30] Stahl H. *Genezis ponjatija samosoznajushhej dushi i «Istorija stanovlenija samosoznajushhej dushi» Andreja Belogo. Andrej Belyj — filosof. Istorija stanovlenija samosoznajushhej dushi i ee konteksty. Special Issue Russian Literature*. 2011; 70 (1—2): 21—37.
- [31] Geissmar Chr. *Das Auge Gottes. Bilder zu Jakob Böhme*. Wiesbaden: Harrassowitz; 1993.

- [32] Krouglov A. Kants Raum-Zeit-Lehre und die Freiheit in der russischen Lyrik. In: *Natur und Freiheit. Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses*. V Waibel, M Ruffing, D Wagner, (Hgg.). Berlin/Boston: De Gruyter; 2018. S. 327—352.
- [33] Malmstad J. *Andrey Bely and Serafim of Sarov* (Part I and II). *Scottish slavonic review*. 1990; (14/15): 21—59/59—102.
- [34] Niederbudde A. *Mathematische Konzeptionen in der russischen Moderne. Florenskij — Chlebnikov — Charms*. München: Otto Sagner Verlag; 2006.
- [35] Steiner R. *Die Geheimnisse der Schwelle*. GA 147. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1997.
- [36] Steiner R. *Die Philosophie der Freiheit*. GA 4. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1995.
- [37] Steiner R. *Geschichtliche Symptomatologie*. GA 185. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1982.
- [38] Steiner R. *Zufall, Notwendigkeit und Vorsehung*. GA 163. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1986.
- [39] Svetlikova IJu. Kant-semit i Kant-ariet u Belogo. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008; 93 (5): 62—98.
- [40] Steiner R. *Von der Initiation. Von Ewigkeit und Augenblick. Von Geisteslicht und Lebensdunkel*. GA 138. Dornach: Rudolf Steiner Verlag; 1986.

Сведения об авторе:

Шмитт А. — доктор филологии, научный сотрудник Центра передовых исследований «Русскоязычная поэзия в транзите», Трирский университет (e-mail: schmittan@uni-trier.de).

About the author:

Schmitt A. — Research assistant, Centre for Advanced Studies “Russian-Language Poetry in Transition”, University Trier (e-mail: schmittan@uni-trier.de).